

Древляне и Поляне.¹

На украинском языке в начале 1924 г. почти одновременно вышли из печати две работы по истории языка: В. М. Ганцова «Діалектологічна класифікація українських говорів» (4 вып. «Записок Історично-Філологічного Відділу» Української Академії Наук, Киев, 1924 г.) и П. О. Бузука «Коротка історія української мови» (Одесса, 1924 г.). Эти работы вновь ставят на очередь вопросы, в свое время поднимавшиеся А. А. Шахматовым, вопросы взаимоотношений историй восточно-славянских наречий и чистой истории русского народа. Оба автора уделяют много внимания исторической связи, существовавшей между наречиями-говорами и летописными племенами.

В. М. Ганцов, пользуясь не только известным материалом, но частью привлекая и неопубликованные еще данные, приходит к заключению (по существу уже высказывавшемуся не раз) о наличии в среде существующих украинских говоров двух основных групп — северной и южной или югозападной. Считая эти языковые группы давними и архаическими, он сближает их с летописными племенами, при чем в первую группу зачисляет северян, древлян, полян и дулебов — воляин-бужан (эти три племени он объединяет), во вторую же относит уличей, тиверцев и хорватов. По существу такое подразделение на две группы украинских племен и наречий может быть оправдано летописными данными, но самое приурочение к группам тех или иных племен, всегда в достаточной мере субъективное, в данном случае у В. М. Ганцова ничем не подкрепляется. Прежде всего автор не пытается поискать в летописном материале данных для такого разделения всего населения украинской тер-

¹ По поводу новых работ Ганцова и Бузука.

ритории на две основных группы; у него совсем не ставится вопрос, почему изначальной, видимо, двуединости украинских племен в летописях соответствует чуть ли не десяток племенных названий. Не есть ли эта множественность летописных племен явление исторически уже вторичное и не дает ли летопись некоторого ключа к объяснению этого двуединства архайческих украинских говоров? Ключ к уяснению изначального двуединства славянских племен на украинской территории мы склоняемся искать в тех летописных припоминаниях, которые, по вскользь высказанному С. М. Середониним («Историческая география», Петроград, 1916 г., стр. 146) мнению, относятся к эпохе доисторической и свидетельствуют о серьезных событиях этого далекого и для летописцев времени, — именно в летописных указаниях на продолжительную и упорную борьбу древлян и полян (по летописи, от Кия до Ольги и Святослава).

Культурная история древнейшей поры нынешней украинской территории дает нам в этом случае поясняющие сведения. Историк культуры еще в скифскую и даже доскифскую эпоху может подметить на этой территории, в зависимости от ее географических условий, два быта и два разных культурно-экономических колорита жизни — один в западной ее части, земледельческий, и другой в восточной или юговосточной, степной и скотоводческий по преимуществу (см. у М. И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России», Петроград, 1918 г., стр. 15—16, 49, 68, 78—79 и др.). Это явление, клавшее свой отпечаток на ряде последовательно сменяющихся здесь народов, особенно ярко сказалось на готах, которые, в связи с географическими и культурно-экономическими условиями жизни на данной территории, распались здесь на две группы, получившие очень характерные названия: восточные — «грейтунгов», степовиков, и западные — «тервингов», лесовиков. В передаче этих названий летописными терминами мы получаем имена — «полян» и «древлян». Отсюда представляется вполне естественным и в этих наших летописных племенных названиях и в жизни обозначаемых ими племен видеть отголосок давних историко-культурно-географических традиций на украинской территории. Это соображение особенно уместно в виду наличия отмеченных летописных сообщений о доисторической длительной борьбе полян и древлян. При этом летопись подчеркивает связь полян с юго-

восточной степью, указывая на даннические их отношения к степной Хазарии, предполагающие и другие их связи между собою, между тем как о древлянах летопись ничего подобного не знает, заставляя предполагать у древлян иные культурно-экономические связи. Тут мы получаем возможность догадываться, что «древляне» и «поляне» могли быть древнейшими обозначениями *двух основных* (по крайней мере на данной территории юга Восточной Европы) восточно-славянских племен, в известный исторический момент между собою столкнувшихся и затем, при внешнем одолении полянами древлян, распавшихся на ряд летописных племен. При этом первоначальные названия основных племен сохранились лишь за частью старых обширных племен; так, повидимому, еще в начале этой борьбы от древлян отделилась южная часть их — Уличи, — затем передвинувшаяся на запад; а сами побежденные древляне отступали все севернее и севернее, где в лесах и удержали прочные черты своего говора, сохранившиеся доселе.

При таком понимании вещей мы можем в «полянах» древнейшей эпохи видеть тех самых «Антов», которых вместе с нами в новой своей работе, выше названной, ищет П. О. Бузук в Подоньи. Его смущает лишь наше объединение в одной группе полян, северян, вятичей и радимичей. Но ведь определенно засвидетельствованное летописью господство в очень раннее время Хазарии над этими именно племенами ясно объединяет их в одну группу, с общими культурно-экономическими влияниями и сношениями, при чем эта близость их между собою в такую раннюю эпоху — или была обусловлена уже существовавшей пред сим родственностью их, или должна была теперь, в пору хазарской зависимости, проявиться во всей широте и, между прочим, отразиться и в языке. В дополнение к летописному свидетельству о хазарской дани этих племен может быть приведено еще одно летописное указание: «А радимичи, и вятичи, и *север* один обычай имеху»; правда, здесь нет «полян», но в эпоху летописца, в пору сложной жизни Киевского государства, они, очевидно, так уже расплылись в среде других племен, что летописец мог говорить только об их «мудрости» и «смысленности», — реальный образ их уже растаял, а сохранялось лишь благоговейное умиление пред тенью далеких предков. Вопрос о роли летописных племен

в истории языка вообще в работе П. О. Бузука не получил ясного освещения: говоря об эпохе прарусского языка и доводя ее до XI века, автор затем указывает последующую эпоху языка праукраинского, выделившегося из прарусского, после каковой эпохи — «позже» праукраинское единство распалось на ряд летописных племен. Но ведь по этой хронологии образование летописных племен придется относить уже к XII—XIII вв., между тем как мы их знаем по крайней мере в конце IX в., т. е. по взгляду П. О. Бузука, еще в эпоху общих явлений единого прарусского языка. Очевидно, вопрос о взаимоотношениях истории летописных племен и древнейшей истории русского и украинского языков нуждается еще в серьезном пересмотре и тщательном обследовании. Не следует ли эпоху прарусского и праукраинского языка вывести за пределы историческо-летописные?

Владимир Пархоменко.